

Сергей Саканский
AVE MEDIA

**СНЫ
ТОМА СОЙЕРА**

*Последняя телеграмма с Титаника
Сны Тома Сойера*

Сергей Юрьевич Саканский

Сны Тома Сойера

Серия «Ave Media»

Текст предоставлен Автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4887827

Аннотация

Читательской аудиторией книг серии «Ave Media» могут быть в равной степени люди образованные, знакомые с произведениями, которые автор использует как явления природы, так и молодые люди, не знающие предыстории действующих персонажей, поскольку книги именно так и написаны, что культурные ассоциации не являются главной и уж тем более единственной целью автора. В сущности, на своем идейном уровне – это книги о девяностых годах, о переломе, произошедшем в стране и в мире, написанные в причудливой форме аллюзий к мировой культуре, исторической реальности.

Все события и персонажи серии вымышлены и любые совпадения с реальностью случайны.

Содержание

Последняя телеграмма с Титаника	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Саканский Сны Тома Сойера

Последняя телеграмма с Титаника

*Был среди пассажиров один мозговитый парень
из Лондона – то ли Грин, то ли Грей. Он-то и нашел
в трюме бомбу.
Гекльберри Финн*

Доктор Льюис Мак-Шикльгроу склонился над камином в поисках подходящего угля. Раскурив, наконец, свою вересковую трубку, вернулся к столу и глухо проговорил:

– Отсрочка может быть весьма продолжительной, мистер Браун. Десять лет, даже и двадцать. Вы в силах дожить до глубокой старости. Однако, роковое обострение может произойти в любую минуту. Мало того, что болезнь эта еще малоизученна, но и ваш конкретный случай весьма запущен. На все воля Божья.

Человек, которого доктор назвал Брауном, неожиданно рассмеялся, сощурившись, как от внезапного солнечного луча. Маленький и легкий, словно жокей, он старался казаться спокойным и мужественным, что ему почти удавалось: лишь только чуть заблестели его залысины, и он не посмел достать носовой платочек, глубоко в кармане смокинга сжимая про-

хладный шелк.

– Что я почувствую? – спросил он.

– Симптомы весьма разнообразны, в зависимости от тех органов, где образуются гуммы.

– Гуммы?

– Или очаги поражения. Если это будет головной мозг, то вы сойдете с ума, если спинной – то разовьется прогрессивный паралич. Гуммы порой образуются в сердце и легких, да мало ли, где еще... Вы уж извините меня за откровенность, сэр, но я считаю своим долгом полностью отработать свой гонорар. Вот, кстати, мои рекомендации, я изложил их в письменном виде...

Больной дальше не слушал. Он достал из кармана шелковый носовой платок с инициалами «Би-Уай» – хвостик буквы скользнул в сторону, словно вышивка была сделана неумелой детской рукой – и тщательно вытер лицо. Позже, выйдя на пустынную в тот час Харви-стрит, где по-прежнему моросил тусклый дождь, он выбросил в урну купленный у доктора конверт.

Никто не должен знать, что с ним произошло, никто не будет свидетелем его последних страданий. Близкие получат лаконичные уведомления – позже, когда уже нельзя будет что-либо изменить. Вся эта жизнь, полная опасности, тяжелой борьбы и мучительных унижений, будет кончена.

Он взял кэб и приехал на вокзал, где купил билет до Саутгемптона: поезд уходил через час, что было весьма кста-

ти, так как за это время он не успеет передумать. Сидя в маленьком перронном буфете с чашкой белого кофе, он окончательно оттачивал детали плана, родившегося в кабинете доктора Льюиса Мак-Шикльгроу.

Он уедет настолько далеко, что найти его будет невозможно. Да, именно! Вся эта жизнь, полная зла, несправедливости, лжи и заблуждений, будет кончена, и начнется новая, пусть короткая и одинокая, но – *совершенно другая жизнь*.

Тяжело и лениво потащился поезд, срезая предместья Лондона краем оконного стекла, выстукивая на стыках сначала медленное скрипичное: «*На-деж-да*», затем – выйдя на простор Суррея и набрав скорость – частое барабанное: «*Никог-да*»...

Пассажир вскоре заснул и сладко, как показалось со стороны его соседям по купе, спал несколько часов, пока поезд не прибыл на конечную станцию. Он не заметил даже крупной коричневой мухи, которая, гонимая всеми, нашла надежное прибежище на его высоком лбу.

Оказавшись в порту Саутгемптона, он испытал минутное колебание перед стеклянной вертушкой трансактивности и, пройдя с полквартиры, быстро замерзнув на мокром ветру, неожиданно зашел в совсем другую дверь.

Это оказался офис колдуньи, его хозяйка немедленно появилась на пороге пустой приемной с широким пригластительным жестом:

– Хотите узнать свою судьбу?

Грустно улыбнувшись, он пожал плечами и прошел, куда ему указали, хотя никогда прежде не посещал подобных заведений.

– Попробую определить ваше имя, – проговорила хозяйка и, закрыв глаза, утробным голосом зашептала:

– Ли... Ле... Лю... Вы, вероятно, китаец?

– Нет, не китаец, – поспешно ответил Браун. – Моя фамилия Лили. Оскар Лили, если это имеет значение.

– Дайте мне вашу руку, мистер Лили.

Через полчаса он вышел на улицу, расставшись с двумя шиллингами, удрученный. Ничего похожего на его судьбу, разумеется. Ничего общего с прошлой и будущей жизнью. Он никогда не верил во всю эту мистическую чепуху. Между прочим, гадалка предсказала ему смерть от воды...

Он прошел сквозь вертушку трансагенства и поинтересовался ближайшем рейсом в Нью-Йорк. Клерк ответил, что ему повезло: ближайший отходит через три часа – крупнейший, комфортабельный лайнер, но...

– Остались билеты только в третий класс. Надеюсь, вы...

– Разумеется. А когда следующий пароход?

– Завтра утром. Чартерный рейс. Есть комфортабельная каюта. Позвольте ваш паспорт... О, замечательно! Как гражданин Североамериканских Штатов вы не подлежите медицинскому контролю.

Пока клерк оформлял документы, он стоял у окна и смотрел на дождь. Капли ползли по стеклу, извиваясь, проклады-

вая себе дорогу в невидимых холмах и лощинах. Какой-то пароходик, чартерный, явно левый рейс... *Смерть от воды*... Именно такие суда чаще всего и тонут. Будь он хоть чуточку суеверен, то взял бы тогда билет на этот лайнер, абсолютно непотопляемый, как, кажется, писали о нем газеты, пусть даже и в третий класс... К тому же, до завтра так много еще времени, и он может передумать: броситься назад, в Лондон, все рассказать жене...

– Мистер Роуз! – донеслось от конторки, и Браун живо обернулся, потому что именно на эту фамилию был выписан его американский паспорт.

– Хочу вас обрадовать, мистер Роуз, сэр! Только что сообщили, что один из пассажиров первого класса внезапно заболел, и на «Титанике» освободилась одноместная каюта. Будем оформлять?

– Непременно, батенька! – воскликнул Браун. – Оформляйте и как можно скорее.

* * *

Пассажир, взошедший на борт «Титаника» под именем Оскар Роуз, был человеком средних лет, невысокого роста, изрядно и давно лысеющий, с короткой рыжей бородкой и редкими усами, и звали его, разумеется, не Роуз, не Лили и даже не Браун. Его настоящее имя, впрочем, не имело никакого значения теперь, после того, как он поднялся по тра-

пу, легко держа в руке новенький, только что купленный в порту саквояж, где были туалетные принадлежности, такие как зубная щетка, мыло и пипифакс, чековая книжка, да маленькая голубая брошюра по хиромантии, купленная у той же колдуньи на набережной.

Человек этот так часто менял имена и города своей рассеянной жизни, что привык отзывать на любое подвернувшееся имя, хотя где-то в глубине души, во время бессонницы, воображаемых ночных споров с друзьями и недругами, называл себя одним сокровенным именем, вернее, литературным псевдонимом, происшедшим как-то вследствие элементарной типографской ошибки. Несколько лет назад, еще на далекой потерянной родине, он подписал одну из своих заметок псевдонимом «Тенин», что должно было утверждать его глубокий, скрытый от посторонних глаз жизненный статус, но при наборе одну из букв перепутали, так что получилось что-то кокетливое, грубо намекающее на имя женщины... Тогда же, назло жене, которая игриво пошутила насчет опечатки, он стал подписывать этим ласковым именем и другие свои статьи, незаметно для себя и окружающих превратившись в какого-то «Ленина»... По этим именам его знали в Европе и на родине, под этим именем его искала полиция – вот почему ему столь часто приходилось менять имена. Впрочем, для нашей истории это не имеет никакого значения, и мы будем по-прежнему называть его так, как он впервые появился в этом рассказе, в кабинете знаменитого лон-

донского венеролога – Браун, сэр Оскар Браун.

Отужинав в ресторане первого класса, затем, бегло осмотрев публику и судно, он заперся в своей каюте и лег на кушетку, развернул голубую брошюру и прочитал ее бегло, быстро, как выучился читать еще в детстве – оглядывая страницу целиком и сразу схватывая суть изложения.

Его смутила одна странная мысль... Ни минуты не веря ни во что потустороннее, не имеющее рационального объяснения, Браун никак не мог выбросить из головы, что «колдуны», утробно бормоча с закрытыми глазами, чуть было и в самом деле не угадала его тайное имя.

Этого не может быть. Этому он должен дать объяснение.

Хиромантия возникла где-то еще в Древнем Царстве, в бронзовом веке, наряду с астрологией, приоритет которой держал Вавилон. Смерть от воды – обозначал крестик на «бугре Луны», то есть, на верхней внутренней части ладони...

Браун хорошо понимал, как возникла астрология и какими аргументами она оперировала. Шумерские жрецы, изучая летописи, заметили, что затмения Луны и Солнца происходят в определенные периоды, так, что их можно с большой точностью «предсказать». О, это было открытие, мощнейший инструмент власти, подобно которому не может быть в наше время!

Интересно представить себе тот исторический момент,

когда верховный жрец пришел к могущественному царю, несколько часов выжидал в приемной, наряду с прочими, более достойными, жалкий колдун, а затем огорошил властителя великолепным ультиматумом: *если ты не дашь мне столько-то золота и власти, то завтра погаснет Солнце.*

Как смеялся великий и глупый самодержец, запрокидывая голову, тряся продолговатой свой бородой... Возможно, он приказал заключить жреца в темницу. Сидя в мокром погребке, он кормил щепотью крыс и тихо, медленно улыбался. Ибо через несколько часов, в самом разгаре следующего дня – *действительно погасло Солнце.*

И началась новая власть... Все, что теперь говорили жрецы, имело юридический статус истины. Какой-нибудь маленький жречишка в верховьях Тигра мог запросто потребовать на ночь наложницу наместника... Кувшин серебра... *Ибо завтра погаснет Солнце... Или Луна...*

Самое гнусное в этом деле то, что жрецы понятия не имели, почему время от времени Луна или Солнце поедаются тенью. Это равносильно тому, как современным капиталистам совершенно все равно, что они производят, лишь бы оно приносило бабки. Вот и это судно... Хозяин, блещущий здесь под звон оркестра, уверяет, что он хотел построить именно корабль, но на самом деле это не имеет значения. С таким же успехом он мог построить какой-нибудь завод... Хотя нет, не с таким же успехом. Завод никто бы и не заметил. А тут, кроме прибавочной стоимости, еще и слава: вон

каким петушком он выглядел сегодня за обедом...

Черт подери! Ведь я бы мог стать значительным промышленником. Или великим журналистом. Адвокатом, в конце концов!

Или, вот, наконец, хиромантом...

Какая бредятина. Я поставил на политику и проиграл. Политика требует времени, а у меня, с моей болезнью, времени нет. Можно бы, конечно, открыть новую партию в Америке, заручившись поддержкой какого-нибудь мафиози... На это уйдет года два-три... Правда, имея в виду сухой закон, действующий уже в девяти штатах, может быть и меньше... Но зачем? Я все равно не смогу пожать плоды с этого дерева. Я все равно умру.

Нет! Письмо Надьке, письмо Юльке, а лучше – телеграммы, прямо отсюда, с борта «Титаника»...

И нет меня. Деньги партии у меня в руках. Под именем какого-нибудь Грея основать заводик, навроде Форда. В ближайшие годы он станет ведущим в мире. Что будем производить? Да все равно что... А Коба здесь почему?

Брауну снился сон. Коба, один из его шапочных друзей, швыряет его в стену, взводит курок нагана... Кто такой Коба? Если кто-то и хочет его убить, так это Юлька...

Браун проснулся. Надька приложила ко лбу прохладное полотенце. Браун проснулся еще раз. Он был в одноместной каюте первого класса на судне, которое следовало в Нью-Йорк.

Он осмотрел свою ладонь. Бегло прочитав вчера эту архидурацкую книгу, он мог теперь основать академию хиромантии где-нибудь в Голливуде, местечке, которое, в связи с развитием синематографа, ожидает большое будущее. Вряд ли кто об этом теперь догадывается. Несколько первых кинофабрик воспринимаются не более чем курьезом, однако, если загодя построить неподалеку парочку сопутствующих предприятий, скажем, производство целлулоида, оптики и так далее, плюс вкладывать деньги, собственно, в синема... Линия сердца в виде косички говорит о неумеренной страсти к женскому полу. Это похоже на правду. Линия жизни обрывается годам к пятидесяти. Посмотрим! Крест на бугре Луны – смерть от воды...

При утреннем свете он впервые подробно осмотрел свою каюту. Небольшая гостиная, уютный кабинет, размером с купе поезда, спальенка... Отдельные ванна и клозет. Не хватало еще кухоньки, чтобы готовить незатейливую пищу и вовсе не выходить на двор.

Он погрузил руку в роскошную, как будуар богачки, бонбоньерку на столе в гостиной и выудил несколько конфет, рассмотрел и бросил обратно. Он не любил сладкого. Один из фантиков изображал сам «Титаник», идущий изумительной звездной ночью ввиду дальних ледяных берегов. Рекламные службы постарались на славу.

Браун не то чтобы не любил роскоши – он был к ней равнодушен: ему было безразлично, что он ест, поэтому он мог

поглощать даже самые изысканные блюда, ему было все равно, как путешествовать, поэтому он всегда ездил только первым классом. Главным в его жизни был покой и уют, сносные, удобные условия для работы. Когда-то правительство страны, название которой Браун предпочел бы забыть, отправило его в ссылку, где он пользовался холодным сортиром на дворе, водой из колодца, тусклой лампой, мылся раз в месяц в черной бане, но был счастлив... Вечерами он бродил по берегу широкой реки, название которой и вправду уже не мог припомнить, а весной, когда река разливалась, охотился на зайцев, спасавшихся от смертоносной воды на песчаных островках, доверху заваливая лодку дичью, которую дюжинами бил своей бамбуковой тростью... Здесь, на «Титанике», он мог прожить месяцы и годы, незаметно перемещаясь туда-сюда по Атлантике, сочиняя какие-нибудь книги, пока не прорастут в глубине его существа неведомые *гуммы*...

– *На все воля Божья*, – сказал доктор Льюис Мак-Шикльгроу. Он даже и не подозревает о том, что никакого Бога нет.

Сегодняшней ночью Браун понял, что личная его цель эфемерна и бродит по Европе и миру в обнимку с тем самым призраком. Какая к чертям революция, власть! Все это было нужно лишь для того, чтобы задурить мозги простакам да собрать деньги. Цель его жизни была и остается в жизни самой. Жить и работать, работать и наслаждаться трудом, всегда плыть к далекому берегу и никогда не достичь его!

Браун поднялся на палубу. Океан был спокоен, небо чи-

стое, подмораживало... На баке собралась небольшая толпа зевак, глаза на дельфинов. Это были американцы, поскольку это частная американская черта — глазеть. Американцы как нация обладают характерными признаками, их ни с кем не спутаешь, как евреев или цыган. Ну, например, огромный, как щель почтового ящика, по меткому наблюдению одного ихнего же писателя, квадратный рот. Вечно запрокинутая голова, будто американец всегда рассматривает звезды, даже днем... Интересно, можно ли уничтожить в человечестве целую нацию целиком, как само человечество уничтожило отдельные виды животных? Для того, чтобы уничтожить нацию, например, калмыков, надо начать войну с другой нацией, например, с русскими. Впрочем, к чему бить, аки обров, этих безобидных калмыков?

Незаметно для себя Браун оказался в толпе американских зевак. Но не дельфины привлекли его внимание. Какой-то юноша взобрался на самый нос судна и, под смехи окружающих, изображал птицу или аэроплан, отведя руки назад, так, что его левая ладонь как раз оказалась перед глазами Брауна. Он мысленно снял фотоснимок с этой ладони и погрузился в анализ.

Согласно лженаучной брошюре, линия Солнца, отвечающая за отношение индивида к искусству, была хорошо развита и разветвлена. Если верить всему этому говну, сей молодой человек мог быть художником или музыкантом. Линия здоровья отсутствовала, что могло говорить о железном

здоровье. Линия жизни обрывалась рано, что естественно для художников и музыкантов – беспорядочный образ жизни, наркотики, венерические болезни...

Что-то зацепило его. Нечто в рисунке его ладони... Уже уйдя с бака, и медленно прогуливаясь вдоль вереницы шлюпок, Браун видел перед собой эту американскую ладонь. Музыкант или писатель, возможно, бездарный. Впрочем, он может оказаться и студентом, возвращавшимся из затянувшегося круиза по Европе на папины деньги...

Вот оно что! У этого юноши, так же, как и у самого Брауна, был тот же самый знак – крест на бугре Луны – смерть от воды.

* * *

Во время обеда Браун разговорился со своими сотрапезниками. Это был коннозаводчик из Баварии, решивший показать Новый Свет своей дородной супруге, которая действительно напоминала лошадь крупными чертами лица, и молодая одинокая американка, которую изрядно портили роговые очки с толстыми линзами. Коннозаводчик был тезкой нынешней ипостаси Брауна.

– Не слишком ли много Оскаров для одного судна? – пошутил он и сразу понял, что сказал какую-то бестактность: словно бы тень пробежала между пассажирами, и лица их заledenели...

– Ну что вы, – нарушила молчание американка, – красивое, мужественное имя. Оскар Уайльд, например...

Разговор зашел о литературе, но тема затухла, оживившись на лошадях, затем на грядущей мировой войне, возможность которой эти остолопы начисто отрицали. Все накладывали салат из одной общей хрустальной салатницы, и Браун подумал, что это негигиенично.

– Будет война или нет, – с улыбкой сказал он, медленно подводя присутствующих к цели, – мы с вами можем косвенно узнать хоть сейчас.

Уже поглощали десерт, и лед звенел в бокалах по всему залу. Соседи воззрились на Брауна с розовыми глыбами мороженого во рту.

– Если будет мировая война, – продолжал Браун, – то нечто общее должно присутствовать в судьбах всех, сидящих за этим столом.

– Вы способны понять наши судьбы? – кокетливо улыбнулась американка.

– Вполне, мадемуазель! Я несколько лет изучал хиромантию, и ваша рука для меня словно раскрытая книга. Позвольте...

Рука американки была мягкой и влажной, Браун испытал естественный трепет... Почему собственная жена, даже когда ее мнешь в постели, не вызывает таких тонких чувств, как это некрасивое, глупое, помешанное на мужчинах тело? Вот, однако, в чем истинный смысл хиромантии! Для того

лишь, чтобы потрогать заведомо чужую ручку...

Через несколько минут Брауну уже было не до шуток. Он проверил руки всех троих и действительно обнаружил у них – у всех троих! – крест на бугре Луны...

Браун бросил свое мороженое, вытер губы и поспешно ушел. Заложив руки за спину, он принялся ходить взад-вперед по прогулочной палубе. Сосчитал шлюпки и прикинул в уме – шлюпок явно не хватало на всех, да и они, как заявил вчера хозяин судна, вовсе не нужны на этом непотопляемом лайнере...

Браун издали увидел американку, которая помахала ему из своего шезлонга. Он хотел было увильнуть от встречи, но внезапно принял другое решение.

Он подошел. Американка – звали ее, как он помнил, Сесиль – сидела в окружении пожилых дам, также американок, и сразу, как и ожидалось, представила Брауна в качестве известного хироманта и астролога. Он впервые придиричиво рассмотрел юную леди. Ей было лет двадцать пять, она принадлежала к распространенному типу женщин, которые носят очки и строгие одежды лишь для того, чтобы ввести в заблуждение соперниц. Обычно они крутят романы с женатыми адвокатами, бизнесменами, политиками и глубоко убеждены, что с мужчинами следует вести сугубо мужские разговоры.

Браун принялся смотреть руки, коротко предсказывая судьбу... Невероятно! Крест обнаружился если и не у всех,

то у подавляющего большинства. Какой вздор! Неужели он и вправду верит этой чепухе? Откуда же тогда беспокойство? И страх...

Браун удалился в свою каюту, сославшись на головную боль.

От чего могло бы потонуть это непотопляемое судно? Непотопляемость обеспечивается герметическими переборками, так что, если и получится пробоина, то посудина останется на плаву. А если будет повреждено сразу несколько отсеков? Это возможно лишь в трех случаях: столкновение с другим судном на полном ходу, диверсия, торпедирование... Но какое торпедирование в мирное время? Значит, столкновение – но с чем? С айсбергом? Но подобная вероятность в этом безбрежном океане ничтожно мала, практически невозможна.

Шлюпок не хватает, что очевидно. В шлюпки сядут пассажиры высших классов, а чернь просто запрут внизу. Есть, правда, один элементарный способ, как спасти всех. И айсберг, и тонущее судно, находясь в одном течении, не смогут после катастрофы уйти друг от друга далеко. Спасение пассажиров можно наладить в две ходки, высадив первую партию на айсберг. Этим людям еще повезло, что Браун оказался на борту. Разумеется, он возьмет на себя все организаторские работы.

Брауну попалась на глаза голубая брошюра, он раскрыл ее и снова бросил на стол. Затем, включив лампу, стал при-

стально рассматривать свой крест. Ответ может быть только один: эти кресты настолько распространенная вещь на большинстве ладоней, что...

Браун прилег, заложил руки за голову и стал размышлять о хиромантии вообще.

Если верить сей лженауке, то придется признать, что будущее существует так же, как настоящее и прошлое. Надо сразу поверить в предсказания пророков. Что касается последних, то Браун слишком хорошо знал их трюки, поскольку сам слыл неплохим пророком. Достаточно хорошо знать историю, разбираться в политике, чтобы предвидеть сроки международных конфликтов. Достаточно увидеть миловидную трехлетнюю девочку из бедного квартала, которую воспитывает одинокая мать-пьяница, чтобы предсказать, что через пятнадцать лет она кончит в борделе. И так далее. Но какое отношение к будущему индивида могут иметь складки и черточки на его ладони? Это невозможно со всех точек зрения, даже с религиозной. Будущее не может существовать даже в том случае, если существует Бог-создатель. Потому что Ему не было бы никакого резона создавать мир с заранее определенным будущим.

Итак, ясно. Никаких оснований для беспокойства нет, и можно навсегда забыть об этом. Браун потрогал стопку бумаги на столе. Прекрасный кабинет. Он снял плотный, скрипучий лист, пододвинул к себе чернильный прибор, окунул ручку в живительную влагу, на секунду задумался и вывел

крупно посередине листа:

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

Досужие размышления постороннего человека

Браун работал несколько часов, пропустив ужин, кончил около полуночи, мелко и скромно подписал в углу свое обычное «Ленин» и, довольный, бережно спрятал готовую рукопись в саквояж. Именно в этот момент за окном раздались крики, кто-то побежал, гулко топоча по настилу палубы...

– Черт подери! – подумал он. – Неужто оно и в самом деле?

Он быстро покинул каюту, не забыв, однако, надеть теплые перчатки и запереть дверь на ключ. На палубе ощущалось необычное оживление, ярко горели прожекторы на корме, двое матросиков, хлопая клешами, быстро пробежали мимо.

Браун притулился к перилам, посмотрел вниз, где плескалась в далекой воде длинная вереница электрических лун. Итак, все сходится... Все они, плывущие на этом судне с крестами на ладонях, обречены на скорую смерть. И, стало быть, летит в тартарары весь материализм, атеизм, и черная вода проглотит только что написанную статью, и некому будет сказать вновь обретенную истину...

Его ладони взмокли, он с трудом стянул с себя лайковую перчатку и вдруг уронил ее в воду: она падала долго, вылавливая свет нижних иллюминаторов, похожая на человечка,

беспорядочно машущего конечностями. Браун пожал плечами, стянул вторую, ставшую ненужной, и бросил вниз, чтобы еще раз вызвать образ человека...

Он увидел возбужденную группу людей, пассажиров первого класса, идущую навстречу. Они жестикулировали и говорили громко, не опасаясь, что кто-то посторонний услышит... Браун вернулся в каюту. Быстро, как солдат, разделся, лег и потушил свет.

Ложная тревога... Из подслушанного разговора он узнал, что переполох вызван лишь тем, что какая-то подвыпившая пассажирка пыталась свести счеты с жизнью, бросившись с высокой кормы в океан. По всей вероятности, ее удалось спасти.

– Интересно, – есть ли у нее этот крест?... – была его последняя мысль перед провалом в черную бездну сна.

* * *

Проснувшись, Браун не торопился вставать с постели. Он с удовольствием вспомнил вчерашнюю работу, подумал, что надо бы кое-что поправить... Также что-то не вязалось и с вечерними размышлениями насчет хиромантии. Почему-то не выходил из головы и случай с пассажиркой, которой надоело жить...

Итак, продолжим. Доверие к хиромантии вовсе не обязательно должно предполагать религиозный строй мышления.

Не допуская ни существования Бога, ни осуществленность будущего, можно все же обосновать хиромантию как науку.

Допустим, что дактилоскопические знаки свидетельствуют не о будущих событиях с индивидом, которых еще не существует, а об его здоровье и свойствах характера. Почему бы нет? Ведь можно прочесть известный диагноз по каким-то вторичным признакам – шанкрам, папулам и розеолам, например...

Мы видим у кого-то треугольник на бугре Юпитера, который означает не более чем воинственность характера. Логично предположить, что, в случае войны, этот храбрый мужчина окажется в первых рядах. Не мудрено, что голубая брошюра указывает, будто сей знак предвещает гибель на поле сражения. Разумеется, определив этот знак поголовно у молодого поколения целой нации, можно с успехом предположить, что вскоре вся эта страна может быть ввергнута в войну, поскольку не может кончить миром нация воинственных мужчин. У этого немца, коннозаводчика, также был треугольник...

«Смерть от воды» предполагает более тонкие размышления. Допустим, этот крест сигнализирует о невосприимчивости данного организма к морской болезни, а его отсутствие, напротив – о водобоязни. Вполне логично, что именно эти люди предпочитают передвигаться морем. Естественно, что часть из них гибнет в кораблекрушениях... Нет, не годится.

Браун вышел на палубу и обозрел океан. Чистое небо, чи-

стая вода, послезавтра судно прибудет в порт. Ни малейшего признака шторма, да шторм этой машине и не страшен. Никакой вибрации, кроме ненавязчивого, как бы отдаленного гула машин. Если бы Браун чуть больше любил мир, он бы не преминул полюбоваться чистотой и гладью этого темно-голубого простора...

К обеду он испытывал страшный голод.

– Мистер Браун, вы нас совсем забыли! – воскликнула американка Сесиль при его появлении в ресторане.

У нее была дурная привычка облизывать верхнюю губу во время разговора. Вероятно, таким образом она надеялась привлечь мужчин. Каких мужчин? Браун нервно сглотнул. Ведь за этим столом, кроме пожилого коннозаводчика, был только он, Браун... Нет, невозможно. Завтра они расстанутся навсегда, а в приличном обществе нужно минимум неделя, чтобы исполнить программу. Будь эта шлюха чуточку вульгарнее, грязнее, он нынешним же вечером умыкнул ее куда-нибудь в спасательную шлюпку, под брезент. Чем гаже и нелепее место, тем грязнее шлюха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.